

**РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**

**SECTION II. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF
HUMAN CAPITAL**

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.25629/НС.2020.11.02

Мазур Л.Н.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

Тема поддержана грантом РФФИ 19-29-07154 мк «Семья как фактор формирования человеческого потенциала промышленного города в условиях демографического перехода: исторические модели и сценарии капитализации (на примере Екатеринбурга-Свердловска)».

Аннотация. Междисциплинарность является характерной чертой современной науки, способствуя миграции теорий, понятий и методов из одной области знания в другую. Это непосредственно касается такого объекта исследования как человеческий капитал. Понятие, рожденное в рамках экономической теории, получило свое развитие в работах социологов, психологов, педагогов, историков. Целью данной статьи является анализ теоретических и методических проблем изучения человеческого капитала в историческом контексте. В первую очередь это касается возможности использования понятийного аппарата теории человеческого капитала. Основные проблемы с понятийным аппаратом возникают при изучении обществ, находящихся в переходном состоянии или вне рыночной экономики. Для их характеристики предлагается использовать термин «человеческий квазикапитал». Не менее значимой выступает проблема методов исторического изучения человеческого капитала. Специфической чертой человеческого капитала как объекта исторического исследования является высокий уровень абстрагирования, что требует использования соответствующих методов, реализующих системный подход. Поскольку человеческий капитал является производным от человеческого потенциала, то первым шагом в его изучении на историческом материале выступает анализ человеческого потенциала населенного пункта/региона/страны, его моделирование и типологизация с учетом конкретно-исторического материала. В статье представлена структурно-факторная модель человеческого потенциала, разработанная в рамках реализации исследовательского проекта по изучению роли семьи в формировании человеческого потенциала промышленного города в условиях демографического перехода.

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий потенциал, квазикапитал, типология, моделирование, модель человеческого потенциала.

Введение

Формирование человеческого капитала и повышение его эффективности относятся к стратегическим задачам, от реализации которых зависят темпы и уровень развития общества. Решение этой задачи требует комплексного подхода и включает не только разработку практических рекомендаций, но и необходимость фундаментального исследования процессов формирования человеческого потенциала, сценариев (способов) его капитализации, а также факторов влияния и критериев оценки состояния и перспектив развития.

В настоящее время можно выделить несколько направлений изучения рассматриваемой проблемы:

- теоретико-методологическое, в рамках которого уточняется понятийно-категориальный аппарат и предлагаются концептуальные подходы к изучению базового понятия [4, 10, 11 и др.];
- практико-ориентированное, нацеленное на разработку критериев оценки эффективности человеческого капитала и методов его совершенствования [5, 9, 16 и др.];
- аналитическое, связанное с моделированием и прогнозированием развития человеческого капитала на индивидуальном, организационном, национальном уровнях [7, 13, 20 и др.].

Следует обозначить еще одно направление изучения человеческого капитала – историческое, актуальность которого определяется не только и не столько практической ценностью исторического опыта, сколько необходимостью познания стадийных и цивилизационных особенностей его функционирования и эволюции.

Исторический подход к изучению человеческого капитала опирается на принципы историзма, т. е. позволяет учесть его специфику, определяемую фактором места и времени. В частности, история России дает возможность выделить и проследить преемственность как минимум четырех типов человеческого капитала: доиндустриального (Россия XVIII– первой половины XIX в.); раннеиндустриального (Россия второй половины XIX – начала XX в.); индустриального (советского); и постиндустриального (современного российского), последовательно сменявших друг друга, генетически связанных между собой, но отличных по базисным условиям функционирования.

Их формирование стало отражением стадий модернизации российского общества, но не только. Имели место также цивилизационные особенности – эволюционные разрывы в результате событий 1917 г. и реформ начала 1990-х гг. [19]. Большевистский переворот 1917 г. стал началом исторического эксперимента по построению коммунизма, а его итогом – создание общества с новыми базовыми характеристиками, которые можно обозначить понятиями «нерыночное», «государственно-бюрократическое». Результатом реформ начала 1990-х гг., которые также часто маркируются термином «революция», было формирование рыночной экономики и демократизация общественно-политической системы, но с сохранением определенных наследственных черт – это сильное влияние государства на экономические, политические и социальные процессы, слабость институтов гражданского общества и деформация рыночных механизмов саморегуляции. Если результатом революции 1917 г. стало построение номенклатурно-бюрократического социализма, то реформы 1990-х гг. привели к его перерождению в государственно-монополистический олигархизм.

Эволюционные разрывы непосредственно повлияли на состояние и динамику человеческого капитала России, поскольку каждый из них сопровождался снижением уровня жизни, разрушением сложившихся систем жизнеобеспечения, в том числе образования, здравоохранения, культуры. Их восстановление в новом качестве требовало времени, что создавало эффект запаздывающего развития. Помимо революций, важную роль в экономической истории страны сыграли демографические катастрофы – следствие двух мировых войн и внутренних процессов – коллективизации, голода 1922 и 1932–1933 гг., репрессивной политики 1930–1940-х гг., а также нескольких волн внешней миграции, затронувших, в первую очередь, наиболее образованную часть населения.

Целью данной статьи является анализ теоретических и методических проблем изучения человеческого капитала в историческом контексте, без решения которых невозможно конкретизировать объект и предмет исторического исследования. В первую очередь это касается необходимости адаптации к специфике исторического познания понятийного и методического аппарата теории человеческого капитала.

Теоретико-методологические проблемы изучения человеческого капитала в ретроспективе

Режим междисциплинарного исследования предполагает два основных сценария взаимодействия наук: механистическое копирование и использование понятий, либо уточнение понятийного аппарата, основных положений теории с привлечением конкретно-исторического материала. Первый вариант допустим при изучении исторических периодов и эпох, непосредственно пересекающихся со временем разработки используемой теории. Второй вариант применяется при характеристике отдаленных во времени исторических процессов с тем, чтобы избежать неоправданной модернизации языка описания, когда современный термин используется для обозначения исторических явлений, не вполне ему соответствующих. В этом случае необходимо уточнение области приложения понятий, в частности базовой категории «человеческий капитал».

Становление и развитие теории человеческого капитала прошло три этапа, два из которых носили подготовительный характер:

Первый этап – XVII - XIX в. – классический (политэкономический), связан с изучением человека как ресурса экономики, основы национального богатства нации. Этому вопросу уделяли внимание У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, Дж. Милль, Ж.-Б. Сэй и др. Заметный вклад в развитие темы внесли идеи К. Маркса, который рассматривал труд в качестве важнейшего элемента производственного капитала.

Итогом развития данного этапа политэкономии стало понимание роли человека в структуре производительного труда. А. Смит по этому поводу писал: «увеличение производительности полезного труда зависит прежде всего от повышения ловкости и умения рабочего, а затем от улучшения машин и инструментов, с помощью которых он работал» [21, с. 208].

Второй этап – первая половина XX в. – управленческий, характеризуется разработкой концепций, связанных с интенсификацией и мотивацией труда работника (Ф. Тейлор, Ф. Гилберт, Г. А. Саймон, А. Маслоу, Дж. Адамс и др.). На данном этапе внимание ученых перемещается на вопросы стимулирования труда, а также проблемы измерения его эффективности и качества рабочей силы.

Третий этап – вторая половина XX века (неоклассический) – оформление теории человеческого капитала как самостоятельного направления экономической науки со своим предметом, понятийным аппаратом и методами исследования (Г. Беккер, Т. Шульц, М. Блауг, Г. Боуэн, Дж. Кендрик, Ф. Махлуп, Л. Туроу, Ф. Харбисон, Б. Чизвик и др.). Особенностью этого этапа стал междисциплинарный подход к изучению труда, учитывающий не только экономические факторы, но и другие процессы и влияния, выходящие за рамки экономики, в том числе связанные с ролью семьи, рождением и воспитанием детей, образом жизни, здоровьем, культурой и проч.

Впервые термин «человеческий капитал» был использован Т. Шульцем [27], который рассматривал его как разновидность капитала, обладающего свойствами природного (человеческого) ресурса и материального (вещественного) капитала. Каждый человек, по его мнению, имеет свою цену, которая определяется, с одной стороны, личными достижениями – приобретенными знаниями, опытом и навыками, а с другой – потребностями рынка труда. Специфической чертой человеческого капитала является исключительное право собственности, которое принадлежит самому человеку.

Дальнейшее теоретическое осмысление рассматриваемого понятия было связано с трудами Г.-С. Беккера, предложившего концепцию человеческого капитала. Согласно его определению, *человеческий капитал* в широком смысле представляет собой совокупность навыков, знаний и умений человека, а также физических качеств, позволяющих ему эффективно трудиться и приносящих доход себе, работодателю и/или иным субъектам [23]. Изучив доходность инвестиций в образование, он сделал вывод, что ядро человеческого капитала составляет *капитал образования*, основным источником которого являются родительские инвестиции. Кроме того, в структуру человеческого капитала Г. Беккер предложил включить *капитал здоровья*,

капитал профессиональной подготовки (квалификация, навыки, производственный опыт), капитал миграции (уровень мобильности), а также капитал информированности (обладание экономически значимой информацией) и мотивации к экономической деятельности.

Марк Блауг – известный историк экономической мысли – так сформулировал основные идеи теории человеческого капитала: «Концепция человеческого капитала ... заключается в идее, что люди тратят на себя ресурсы различным образом – не только для удовлетворения текущих потребностей, но и ради будущих денежных и неденежных доходов. Они могут инвестировать в свое здоровье; могут добровольно приобретать дополнительное образование; могут тратить время на поиск работы с максимально возможной оплатой вместо того, чтобы соглашаться на первое же попавшееся предложение; могут покупать информацию о вакансиях; могут мигрировать, чтобы воспользоваться лучшими возможностями для занятости; наконец, они могут выбирать низкооплачиваемую работу с более широкими возможностями для обучения вместо высокооплачиваемой работы без каких-либо перспектив развития» [3, с. 317].

Таким образом, первоначально понятие человеческого капитала разрабатывалось в рамках экономической науки и учитывало, преимущественно, физиологические (способности, здоровье), институциональные (системы образования, здравоохранения) и психологические (мобильность, мотивация) аспекты его формирования. Или, иначе говоря, факторы первого порядка – наиболее значимые, с точки зрения объекта исследования.

Следующий шаг в уточнении базового понятия и общей концепции был сделан в 1980-е–2000-е гг. и непосредственно связан с изучением политических, социальных и культурных факторов влияния. Особо следует отметить вклад П. Бурдьё, который выделил три основные формы капитала (экономический, культурный и социальный), рассмотрел способы (состояния) их функционирования (инкорпорированное, объективированное и институционализированное) и варианты конвертации. Под культурным капиталом он понимал культурный багаж (прежде всего образовательный), накопленный человеком на протяжении жизни и ставший неотъемлемой частью его личности. Социальный капитал – это ресурс, формируемый социальными связями (родством, знакомством, профессиональными и корпоративными отношениями признания) и конвертируемый в капитал экономический. Способность к постоянной конвертации форм капитала друг в друга П. Бурдьё рассматривал как закономерность, связанную с сохранением и накоплением капитала [6].

Основным агентом формирования культурного и социального капитала личности выступает семья, которая не только инвестирует напрямую в образование, но и создает условия (прежде всего, временные) для его накопления, а также обеспечивает капитализацию семейных связей. Данный аспект формирования человеческого капитала – семейный – представляет особый интерес. Родственные отношения и семейные нормы определяли в прошлом [см.: 22] и определяют сегодня поведение и жизненные стратегии людей [см.: 2, 25, 26, 28 и др.]. При этом с течением времени ведущая роль семьи в развитии личности и формировании человеческого капитала сохраняется, меняются механизмы ее влияния. И этот вопрос требует дополнительного исследования на историческом материале.

В отечественной науке теория человеческого капитала приобрела сторонников в постсоветский период и получила развитие в трудах А. И. Добрынина, С. А. Дятлова, Е. Д. Цыреновой, Л.А. Ефимовой, И. В. Ильинского, В. И. Марцинкевича, Р. М. Нуреева, И. В. Соболевой и др. [см.: 7, 10, 11, 13 и др.]. Для отечественной школы характерна опора на труды классиков данного направления и стремление разобраться в том, как работают основные положения теории человеческого капитала в российских условиях, изучить национальный опыт формирования и развития человеческого капитала в условиях реформирования. При анализе процессов, связанных с функционированием человеческого капитала, чаще всего используется расширительная трактовка рассматриваемого понятия. Так, например, И. Ильинский выделяет в его структуре помимо образования и здоровья капитал культуры [13, с. 28].

Наряду с категорией человеческого капитала в научных исследованиях активно используются понятия «трудовые ресурсы», «человеческие ресурсы», «человеческий потенциал», имеющие точки соприкосновения, поскольку характеризуют население как важнейший структурный элемент экономики.

Человеческий ресурс (ЧР) в экономической науке интерпретируется как один из элементов производства, представленный совокупностью различных качеств людей, определяющих их способность к труду. Он имеет количественную и качественную форму, выраженную в показателях численности занятого населения, его профессиональной структуры и уровне образования. Человеческие ресурсы могут стать капиталом в том случае, если будут приносить доход и создавать богатство.

В демографическом смысле человеческий ресурс соотносится с понятием *трудовые ресурсы* – это термин, обозначающий экономически активное, трудоспособное население, обладающее физическими и духовными способностями, необходимыми для участия в трудовой деятельности. Он был введен в научный оборот в 1920-е г. С. Струмилиным и активно использовался в советский период.

Трудовые ресурсы также связаны с понятием человеческого капитала, но с определенными оговорками: их объединяет базовое содержание, представленное в разном контексте. Трудовые ресурсы – составной элемент производственных отношений – характеризуют «социально-групповое воплощение способности части населения к труду». В свою очередь, категория человеческого капитала рассматривается как составная часть товарно-денежных отношений и отражает «воплощенную в индивиде трудоспособность» [см.: 14, с. 72].

Знания, навыки, опыт человека, не включенные в товарооборот (деньги – рабочая сила – деньги), обозначаются термином «*человеческий потенциал*». По мнению Т. И. Заславской, человеческий потенциал выступает важнейшим индикатором уровня развития общественной системы и представляет собой «совокупность физических и духовных сил граждан, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей» [12, с. 13]. Компонентами человеческого потенциала в ее трактовке выступают социально-демографическая, социально-экономическая, социально-культурная и инновационно-деятельностная составляющие. [12, с. 14–15]. Человеческий капитал, таким образом, можно рассматривать как производное от человеческого потенциала, т. е. он представляет собой одну из форм проявления человеческого потенциала в системе рыночных отношений.

В целом, понятийный аппарат научного направления, связанного с изучением человеческого капитала, характеризуется динамичностью, постоянным уточнением и расширением круга взаимосвязанных понятий, что, собственно, является отражением «молодости» этой сферы исследований. Преобладание экономической терминологии в языке теории человеческого капитала объяснимо и оправдано актуальностью этих исследований с позиций управления инновационной экономикой. Однако интерпретационные возможности теории гораздо шире и выходят за рамки объяснения только экономических явлений, затрагивая демографические, социально-культурные, политические аспекты жизни общества.

Человеческий капитал и/или человеческий квазикапитал?

Теория человеческого капитала обладает большим потенциалом для анализа исторических фактов, но прежде необходимо уточнить круг исторических явлений, применительно к которым правомерно привлекать рассмотренную выше терминологию. Основные проблемы употребления сложившегося в рамках теории человеческого капитала понятийного аппарата возникают при изучении традиционных общественных систем, а также обществ, находящихся в переходном состоянии или вне рыночной системы экономики. Так, например, этап истории России, охватывающий временной отрезок с XVIII в. и вплоть до настоящего времени, так или иначе будет связан с понятием человеческого капитала, поскольку это время становления и развития с небольшими перерывами рыночных отношений, формирования систем образования (в том числе профессионального) и здравоохранения. Вместе с тем, при анализе социально-экономических процессов этого времени неизбежно возникают вопросы:

– Можно ли говорить о человеческом капитале уральского города XVIII – первой половины XIX в., если, с одной стороны, горно-заводское производство базировалось на крепостнических отношениях, а с другой, очевидны процессы капитализации человеческого потенциала, поскольку создается социальная инфраструктура, в том числе система профессиональной подготовки?

– Применительно к советскому периоду, можно ли считать человеческим капиталом те знания и навыки, которые приобретал человек, обучаясь в системе профессионального образования, если единственным инвестором и работодателем выступало государство, которое диктовало свои условия использования труда и вознаграждения за труд?

Очевидно, что, исследуя явления российской истории нового и новейшего времени, использовать понятие человеческого капитала допустимо при анализе социально-экономических процессов позднеимперского общества пореформенной России, а также современного постсоветского этапа, т. е. времени активного развития рыночных отношений. Употребление рассматриваемого термина применительно к доиндустриальному и советскому (индустриальному) периоду российской истории, в целом, некорректно, поскольку они характеризуются отсутствием или слабым развитием рыночных отношений. Однако процессы профессионализации трудовой деятельности имели место, а значит и капитализации, но протекали они в специфической (нерыночной) форме.

Для характеристики этих этапов может быть использован термин «*квазисобственный капитал*»/«*квазикапитал*», который в настоящее время употребляется для обозначения вариантов финансирования, отличных от понятия финансового собственного капитала. В статье экономистов Х. Беркмана и М. Бредбери дается следующее определение рассматриваемого понятия: *квазикапитал – это инвестиции, обладающие свойствами собственного капитала, однако не дающие прав на управление им* [24]. Опираясь на данную трактовку, появляется возможность использовать термин для обозначения нерыночных вариантов конвертации человеческого потенциала в доход. Они характерны, в частности, для городской экономики традиционного общества, в которой значительную роль играло ремесленное производство, а также заводская промышленность (особенность экономики горнозаводских поселений Урала). Примером нерыночной экономики индустриального общества выступает Советский Союз, человеческий ресурс которого также будет иметь черты, соотносимые с понятием «квазикапитал».

«Квазисобственный человеческий капитал» или «человеческий квазикапитал» допускает неденежную форму инвестиций и не предполагает обязательной оплаты их использования, т. е. условия инвестирования в капитал не отвечают требованиям возвратности, срочности и платности, а также предоставления в денежной форме [15]. Кроме того, право собственности на капитал может не принадлежать объекту инвестирования, а отчуждаться и перераспределяться в пользу инвесторов.

Более гибким и адаптивным к специфике исторических исследований является термин «человеческий потенциал», который не имеет жесткой привязки к рыночным механизмам и отражает качественные характеристики населения, в том числе уровень образования, особенности профессионализации общества. При работе с этим понятием неизбежно встает вопрос о формах использования человеческого потенциала и способах его конвертации в денежный доход. Можно выделить два основных способа (сценария) капитализации человеческого потенциала: 1 – преобразование его через рыночные механизмы спроса-предложения в человеческий капитал; 2 – конвертация через социальные механизмы отчуждения прав собственности (сословные, вассальные или административно-бюрократические) в человеческий квазикапитал.

Таким образом, при изучении исторических аспектов формирования и эволюции человеческого капитала встает вопрос о типологизации изучаемого явления (капитал/квазикапитал) и проекции его на население через призму понятия «человеческий потенциал». Термин «человеческий квазисобственный капитал» / «человеческий квазикапитал» представляется вполне перспективным с точки зрения его использования в историческом дискурсе при изучении процессов капитализации человеческого потенциала в условиях отсутствия рынка труда и преобладания неденежных инструментов инвестирования.

Моделирование как метод анализа человеческого капитала

Еще одна проблема изучения человеческого капитала в историческом контексте – это проблема метода. Во-первых, объект исследования – человеческий капитал – является теоретическим конструктом, созданным экономической наукой. Он и другие понятия теории человеческого капитала отличаются высоким уровнем абстрагирования и, преимущественно, количественной формой измерения. В экономике человеческий капитал анализируется с использованием математического аппарата, методов моделирования и прогнозирования. На данный момент разработана система интегрированных показателей оценки качества человеческого капитала (индексы развития человеческого потенциала; индекс национального человеческого капитала; индекс человеческого развития и др.), которые применяются для измерения и выстраивания рейтинга стран по уровню человеческого капитала. Россия в этих рейтингах участвует с 1990-х гг. В середине 2000-х гг. она вошла в число стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала, соответствующий индекс превысил значение 0,800 [8, с. 194].

Реализовать эти методы на историческом материале не всегда возможно в силу неполноты сохранившихся статистических данных или их отсутствия. Традиционный подход к описанию (реконструкции) человеческого капитала как исторического явления также затруднен из-за высокого уровня формализации объекта, что осложняет его привязку к историческому материалу.

Аналогичные проблемы встречаются при изучении человеческого потенциала населенного пункта/региона/страны. Выше мы отмечали тесную связь между этими двумя понятиями. Человеческий потенциал – более широкое и более удобное для исторического исследования понятие. Поэтому именно оно стало базовым при изучении социально-демографической динамики г. Екатеринбург-Свердловска в XIX– середине XX в. Исторические источники позволяют охарактеризовать население города на определенные моменты времени, оценить его человеческий потенциал, а также уточнить сценарии его капитализации.

Основным методом исторического исследования человеческого потенциала и вариантов преобразования его в человеческий капитал или квазикапитал является *моделирование* – метод, довольно редко применяемый историками, поскольку соотносится с построением математических моделей. Между тем, помимо математических моделей можно использовать логические (качественные) аналоговые модели, представленные в виде схемы. Такая модель имеет свои преимущества – это не только формализация, но и визуализация объекта исследования.

Для изучения исторических проекций человеческого потенциала предлагается использовать *метод встречного моделирования*: на первом этапе создается аналоговая (качественная) модель в форме схемы, отражающей структурно-функциональные свойства изучаемого явления. Цель такой абстрактно-аналоговой модели – формулировка исторической гипотезы и проверка ее на уровне исторического факта в результате последующей декомпозиции. Следующий этап – деконструкция модели до уровня, соотносимого с имеющимися историческими фактами. И, наконец, завершающий этап – реконструкция человеческого потенциала на основе имеющихся исторических данных в форме количественно-описательной модели, отражающей историческую специфику времени и места. В результате на входе и выходе мы получаем две модели – качественную и количественную, которые будут дополнять и уточнять друг друга.

Структурно-факторная модель человеческого потенциала российского города

В данной статье представлены результаты разработки качественной (аналоговой) модели, отражающей структуру и факторы формирования человеческого потенциала города (рис. 1). Она основана на теоретических разработках понятия «человеческий потенциал» [12], а также на результатах историко-методологических исследований, связанных с изучением процессов модернизации [17, 18].

Цель модели – представить структуру населения города в форме системы показателей, необходимых для его количественной оценки/описания, а также выделить основные факторы формирования человеческого потенциала.

Рисунок 1 – Структурно-факторная модель человеческого потенциала российского города

Схема состоит из двух частей – структурной и факторной. В *структурной части* модели выделены три основные блока информации, характеризующие состав населения города – социально-демографический (половозрастная структура, средняя продолжительность жизни, рождаемость и смертность); социально-экономический (социальная и профессиональная структура, трудовая занятость); социально-культурный (этно-религиозный состав, грамотность населения, уровень образования). В дальнейшем они будут конкретизированы на материалах ревизии 1859 г. и переписей населения (1897, 1926, 1939, 1959 гг.) и представлены в виде системы показателей человеческого потенциала (индекс развития человеческого потенциала, индекс продолжительности жизни; индекс грамотности, индекс образования, индекс совокупной доли учащихся), рассчитанных для каждого исторического этапа. Эта информация позволит уточнить и типологизировать человеческий потенциал города с учетом стадияльно-временного фактора.

Факторная часть схемы призвана систематизировать основные факторы и направления их влияния. Учитывая абстрактную природу объекта исследования (человеческого потенциала), при разработке схемы был использован *метод переключения* стратегии моделирования с объекта на его материальное отражение – население. На схеме выделены факторы, которые прямо или опосредованно влияют на состав населения, определяя его базовые характеристики.

К внешним факторам отнесены:

– *природно-климатические условия и географическое положение*, определяющие экономическую специализацию территории, а также включенность ее в административную систему управления и уровень управляемости со стороны центральной власти. Эти объективные по своему характеру влияния способствуют формированию предпосылок развития городской экономики и среды и опосредованно воздействуют на социокультурный и социально-экономический состав населения территории (города);

– *государственная политика*, роль которой усиливается с течением времени и достигает своего максимума в советский и постсоветский периоды истории, когда контролирующая и моделирующая функция государства становится тотальной.

Политический фактор следует рассматривать как комплексный: он включает отношения «центр–регион», имеющие свою историческую динамику, а также управленческие решения в разных сферах – градостроительстве, экономике, образовании, культуре, здравоохранении, в вопросах социальной (в т.ч. национальной) и демографической политики. Применительно к реконструкции человеческого потенциала поздней имперской и современного российского этапа в структуре политического фактора необходимо учитывать не только центральную, но и муниципальную власть (как внутренний фактор), поскольку в это время возрастает роль местных органов управления и региональной политики.

Среди направлений государственной политики большое значение имеет система мероприятий власти в области градостроительства, она берет свое начало с городской реформы Екатерины II и эволюционирует в последующие годы, реализуя противоречивые тенденции, связанные с циклами централизации/децентрализации управления. Кроме того, внимания требует политика в области образования, здравоохранения и семьи, т.к. непосредственно влияет на показатели человеческого потенциала.

Особое место в схеме отведено такому процессу как *миграция*. В зависимости от направленности миграции она может выступать как *внешний, либо как внутренний фактор*. Для колонизируемых малоосвоенных территорий (Урал, Сибирь, Дальний Восток) миграцию вплоть до конца XX века следует рассматривать в качестве внешнего фактора, для освоенных – внутреннего.

При оценке факторного влияния миграции необходимо учитывать ее характер (стихийная, организованная). Стихийная миграция характерна для миграционных потоков традиционного и раннеиндустриального общества, а также для современной стадии, которую часто обозначают термином глобальное общество. Стихийная миграция есть результат личностного или группового решения переселенцев сменить место жительства. Индустриальная стадия связана с распространением организованных форм миграции (насильственной и добровольной). К этому времени относится и оформление государственной политики в области миграции,

начало которой положили мероприятия власти по организации сельскохозяйственного переселения в конце XIX века, в дальнейшем сменившиеся оргнаборами на «великие» стройки XX века – возведение промышленных гигантов первых пятилеток, подъем целины, строительство БАМа и проч.

В условиях урбанизации заметную роль в формировании человеческого потенциала города играет сельская миграция, с одной стороны влияя на стремительный рост населения городов, в первую очередь крупных промышленных и административных центров, а с другой – снижая качественные показатели уровня развития населения. Есть и другая сторона поздней стадии урбанизации – сокращение численности населения малых и средних городов и субурбанизация, формирующая отрицательную тенденцию, когда отток населения превышает приток.

Выделенные в схеме внутренние факторы формирования человеческого потенциала непосредственно влияют на социально-профессиональную структуру населения и его культурно-образовательный профиль – важнейшие характеристики человеческого потенциала. Следует отметить и обратный эффект: население, обладающее инновационно-деятельностным потенциалом, является необходимым условием развития экономики города и городской среды

К внутренним факторам были отнесены:

– *Городская экономика* (производство, торговля, строительство, транспорт и проч.), включающая также экономико-географические особенности и исторические предпосылки развития территории. Они определяют социально-экономическую структуру населения и его качественные характеристики. С точки зрения характеристики экономики города большое значение имеет специализация: моногород привязан к градообразующему предприятию и зависит от его состояния. Таковы в подавляющем большинстве уральские города-заводы, многие из которых сохранили эту особенность вплоть до настоящего времени. Более широкие возможности для развития получают полифункциональные и многоотраслевые города, преодолевшие печать узкой специализации;

– *Уровень развития городской среды* (благоустройство, система образования, здравоохранения, учреждения культуры, сфера бытового обслуживания и досуга, культовые сооружения, жилье). Социальное ядро городской среды составляют учреждения образования, здравоохранения, культуры. Их количественная оценка является необходимым элементом характеристики человеческого потенциала. Качественный уровень городской среды зависит, в свою очередь, от административного статуса населенного пункта и непосредственно связан с государственной политикой в данной сфере. В бюрократических системах власти административный статус обладает нормативными свойствами. Административному центру «положено» иметь определенный уровень благоустройства городской среды и набор учреждений социальной инфраструктуры, но и выйти за пределы этих норм очень непросто. Все зависит от полномочий и уровня самостоятельности и дееспособности местной власти. Муниципальная реформа 1990-х гг. была направлена на снятие этих ограничений, однако в условиях укрепления управленческой вертикали реализовать потенциал местного самоуправления полностью не удалось. Кроме того, необходимо отметить влияние географического положения города (в том числе транспортной доступности и удаленности от административного центра) на качество городской среды.

– *Семья*. Среди представленных на схеме внутренних факторов формирования человеческого потенциала семья занимает центральное место. Как социальный институт и первичная ячейка общества, семья обеспечивает физическое воспроизводство человека, его социализацию и характеризуется многофункциональностью, встраиваясь во все сферы общественной жизни – экономику, культуру, быт, досуг, транслируя новым поколениям социальные нормы и традиции.

На схеме отмечено прямое влияние семьи на демографическую структуру общества через механизмы брачности, рождаемости и смертности. В зависимости от стадии демографического перехода семейно-брачное поведение различается и эволюционирует по направлению к

малодетной нуклеарной семье с простым или суженным режимом воспроизводства. Изменяется и отношение к детям: из основного трудового ресурса семьи дети перемещаются в центр внимания родителей, приобретая особую эмоциональную и духовную ценность. В современной семье дети – это не просто продолжение рода или помощники в старости, нередко они выступают в качестве своеобразного дублера, который реализует несбывшиеся планы родителей, проживает более успешную и счастливую жизнь, нежели выпало на долю старшего поколения. Поэтому капитализация талантов ребенка рассматривается родителями как их важнейший долг и задача. Если традиционная семья использует таланты и способности ребенка для приращения финансового капитала семьи, то современная – их формирует и развивает, вкладывая семейные ресурсы в личностный капитал [1].

Помимо влияния на социально-демографические процессы, семья оказывает непосредственное воздействие на социально-экономическую и социально-культурную структуру населения, мотивируя и направляя развитие личности, передавая ребенку свой семейный опыт и социальный капитал.

Таким образом, роль семьи в формировании человеческого потенциала и его капитализации на разных стадиях развития общества будет отличаться. По мере модернизации общество и государство берут на себя ряд функций по социализации человека и развитию его культурного потенциала. В первую очередь, это связано с созданием системы образования, здравоохранения, совершенствованием социальной инфраструктуры, обеспечивающей качество жизни и условия для реализации личности. Однако, эти процессы не свидетельствуют о снижении значимости семьи в решении задач воспитания новых поколений, скорее речь идет о перегруппировке усилий основных агентов инвестиций в человеческий капитал и использовании более гибких механизмов инвестирования.

Стрелки на схеме показывают не только направления влияния, но и характеризуют режимы взаимодействия факторов и структурных элементов населения города между собой. Интенсивность их цветового оформления отражает гипотетическую силу связи, в дальнейшем эти предположения подлежат уточнению с использованием корреляционных коэффициентов.

Выводы

Исторический контекст эволюции человеческого капитала остается на данный момент малоизученным. Исключение составляет монография Н. Плискевича, в которой дана оценка влияния эволюционных разрывов на качество человеческого капитала [19]. Но, кроме характеристики катастрофических факторов, важно уточнить исторические закономерности и особенности функционирования изучаемого явления, определяемые временем.

Структура, динамика и качественный уровень человеческого капитала зависит от исторически обусловленной социальной, политической и экономической среды и отвечает, с одной стороны, на запросы общества, а с другой – определяется объективными и субъективными условиями (предпосылками). С учетом состояния экономики и экономических отношений можно говорить о традиционной, раннеиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной моделях человеческого капитала/квзикапитала, которые различаются составом инвесторов, механизмами инвестирования и использования человеческого потенциала, а также реализуют различные сценарии капитализации – для рыночных и нерыночных экономик.

Первый (основной) сценарий капитализации характерен для индустриального общества и опирается на рыночные механизмы определения стоимости труда работника (человеческого капитала) на основе спроса/предложения. Второй сценарий капитализации включает, преимущественно, социальные (неденежные) механизмы инвестирования и использования труда (отчуждение права собственности). При этом стоимость труда определяется произвольно и может не соответствовать затратам на приобретение навыков и знаний, а также принесенному доходу. Этот сценарий связан с преобразованием человеческого потенциала в квазисобственный человеческий капитал / человеческий квзикапитал, который представляет собой нерыночный вариант капитализации.

Поскольку человеческий капитал представляет собой сугубо абстрактное явление, то первым шагом в его изучении на историческом материале выступает анализ структуры населения населенного пункта/региона/страны, его типологизация с учетом стадийно-временного фактора и конкретно-исторических данных, а также оценка качественного уровня человеческого потенциала. Использование методов логического моделирования позволяет перейти от абстрактных понятий и теоретических конструктов к материальным носителям этих сущностей и связать их с историческими фактами. Основной проблемой моделирования, основанного на дедуктивном подходе, является неизбежное «упрощение» реальности, стремление выделить основное и исключить второстепенное. Между тем, «второстепенное» является объективным условием исторического разнообразия. Это следует учитывать при моделировании за счет оптимизации элементов и связей, представленных на схеме.

Примечание

¹ Модель разрабатывалась в привязке к определенному типу населенного пункта – промышленному городу. Для сельского поселения состав факторов будет отличаться.

Библиография

1. Антоненко В. В. Роль семьи в формировании человеческого капитала: теоретический анализ // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 19 (346). С. 47–54.
2. Беккер Г. С. Семья // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла. – М.: Инфра-М, 2004. – С. 308–321.
3. Блауг М. Методология экономической науки или как экономисты объясняют / пер. сангл. Ю. В. Автономова; под ред. В. С. Автономова. – 2-е изд. – М.: Журн. Вопросы экономики, 2004. – 416 с.
4. Богатова А. В. Методологические подходы к оценке человеческого капитала // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – №3 (101). – С. 135–139.
5. Борщ Л. М., Жарова А. Р. Методология развития человеческого капитала с позиций цифровой экономики // Креативная экономика. – 2019. – Т. 13. – № 11. – С. 2141–2158.
6. Бурдые П. Формы капитала /пер. М. С. Добряковой; ред. В.В. Радаев // Экономическая социология [электронный журнал]. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60–75. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (дата обращения 20.04.2020).
7. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. – СПб.: Наука. 1999. – 309 с.
8. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 г. / Под ред. А. Г. Вишневого и С. Н. Бобылева; — М.: «Сити-Принт», 2009. – 208 с.
9. Дорофеев А. Ф. Методологические подходы к измерению человеческого капитала АПК // Вестник ОмГАУ. – 2015. – №1 (17). – С. 79–89.
10. Дятлов С. А. Основы теории человеческого капитала. – СПб.: СПбУЭФ, 1994. – 160 с.
11. Ефимова Л. А. Факторы развития человеческого капитала. – М.: Издательство РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязев, 2015. – 175 с.
12. Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. – 2005. – № 4. – С. 13–25.
13. Ильинский И. В. Инвестиции в будущее: образование в инвестиционном воспроизводстве. – СПб.: Изд. СПбУЭФ, 1996. – 163 с.
14. Кириченко И. С. Экономические категории труда: основные понятия и их развитие // Вестник ФГОУ ВПО Брянская ГСХА. 2016. №2 (54). С. 68–75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-kategorii-truda-osnovnye-ponyatiya-i-ih-razvitie> (дата обращения: 08.04.2020).

15. Мартынова В. С. Квизизаемный капитал: особенности и справедливая оценка // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8957> (дата обращения: 11.04.2020).
16. Мозгачев М. И. Основные подходы оценки человеческого потенциала управленца // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал [Сетевое электронное издание]. – 2014. – № 01 (07). <http://www.xn--80aejaldqtdtdkdn0ap.xn--p1ai/arhiv/2014/01/MozgachevMI.pdf> (дата обращения 15.05.2020).
17. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / под ред. В. В. Алексеева. – М.: Наука, 2001. – 246 с.
18. Побережников И. В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. – Вып. 12: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2013. – С. 246-274.
19. Плискевич Н. М. Человеческий капитал в трансформирующейся России. – М.: Институт экономики РАН, 2012. – 231 с.
20. Садовина Т. Н. Моделирование как основа прогнозирования ИРЧП // Вестник ЧГУ. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-kak-osnova-prognozirovaniya-irchp> (дата обращения: 09.04.2020).
21. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 684 с.
22. Тойшер С. Предписанное родство. Нормы и практики родственных отношений в Берне на рубеже XV–XVI вв. // Семья, дом и узы родства в истории / под ред. Т. Зоколлы, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбама. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 200–242.
23. Becker G. Human capital: a theoretical and empirical analysis (3rd edition). – Chicago: The University of Chicago Press, 1993. – 402 p.
24. Berkman H., Bradbury M. Empirical Evidence on the Corporate Use of Derivatives // Financial Management. – 1996. – Vol. 25. – № 2 (Summer, 1996). – Pp. 5–13.
25. Booth A. L., Joo H. K. Birth Order Matters: the Effect of Family Size and Birth Order on Educational Attainment // Journal of Population Economics. – 2009. – Vol. 22. – № 2. – P. 367–397.
26. Lauer C. Family background, cohort and education: A French-German comparison based on a multivariate ordered probit model of educational attainment // Labour Economics – 2003. – Vol. 10. – Pp. 231–251.
27. Schultz T. Investment in Human Capital. – N.Y.-London: UMI, 1971. – 84 p.
28. Schultz T. Fertility and Economic Values. Part I: the Value of Children. In: T.W. Schultz (ed.). Economics of the Family. – Chicago, London: University of Chicago Press. 1974. – Pp. 3–14.

Мазур Людмила Николаевна. Доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: LN.Mazur@urfu.ru

HUMAN CAPITAL AS A TOPIC OF HISTORICAL RESEARCH

DOI: 10.25629/HC.2020.11.02

Mazur L.N.

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

The research is supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research: project 19-29-07154МК “Family as a Factor of Formation of Human Potential of an Industrial City during the Demographic Transition: Historical Models and Scenarios of Capitalization (the Case of Ekaterinburg-Sverdlovsk)”.

Abstract. Interdisciplinarity has become an indispensable element in contemporary research as it allows to share tools, perspectives, concepts, and theories across disciplinary boundaries. In human capital studies, it is particularly relevant because the very concept of human capital originated in economic theory, but has been recently developing in social, psychological, pedagogical and historical research. This article aims to analyze the theoretical and methodological problems that arise when human capital is studied in the historical context. The conceptual framework adopted from the theory of human capital presents some challenges to the historians who study communities in transition or communities outside the market economy. In this case, the term “quasi-capital” can be used. On the other hand, methodology of historical research based on this notion is no less daring because human capital is a highly abstract notion and it requires historians dealing with this topic to adopt a systemic approach. Since the notion of human capital is seen as a derivative from human potential, the first step in such research is to analyze the human potential of this or that location, region or country, to model and classify it by taking into account specific historical data. The article describes the structural factor model of human potential, which was developed as a part of the research project aimed at studying the role of family in the formation of human potential in an industrial city during the demographic transition.

Key words: human capital, human potential, quasi-capital, typology, modelling, historical model of human potential.

References

1. Antonenko V. V. Rol' sem'i v formirovanii chelovecheskogo kapitala: teoreticheskij analiz [The role of the family in the formation of human capital: a theoretical analysis]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. 2014. No 19 (346). P. 47–54.
2. Bekker G. S. Sem'ya [The Family]. *Ekonomicheskaya teoriya*. Dzh.Ituella (ed.). Moscow: Infra-M, 2004. P. 308–321.
3. Blaug M. *Metodologiya ekonomicheskoy nauki ili kak ekonomisty ob'yasnyayut* [Methodology of Economics or How Economists Explain] 2nd ed. Moscow: ZHurn. Voprosy ekonomiki, 2004. 416 p.
4. Bogatova A. V. Metodologicheskie podhody k ocenke chelovecheskogo kapitala [Methodological approaches to assessing human capital]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2013. No3 (101). P. 135–139.
5. Borshch L. M., Zharova A. R. Metodologiya razvitiya chelovecheskogo kapitala s pozicij cifrovoj ekonomiki [Methodology for the development of human capital from the standpoint of the digital economy]. *Kreativnaya ekonomika*. 2019. Vol. 13. No 11. P. 2141–2158.
6. Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sociologiya*. 2002. Vol. 3. No 5. P. 60–75. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (accessed 20.04.2020).
7. Dobrynin A. I., Dyatlov S. A., Cyrenova E. D. *Chelovecheskij kapital v tranzitivnoj ekonomike: formirovanie, ocenka, effektivnost' ispol'zovaniya* [Human capital in a transitional economy: formation, assessment, efficiency of use]. St. Petersburg: Nauka. 1999. 309 p.

8. Vishnevskogo A. G. & Bobyleva S. N. *Doklad o razvitii chelovecheskogo potenciala v Rossijskoj Federacii za 2008 g.* [2008 Human Development Report for the Russian Federation]. Moscow: Siti-Print, 2009. 208 p.
9. Dorofeev A. F. Metodologicheskie podhody k izmereniyu chelovecheskogo kapitala APK [Methodological approaches to measuring the human capital of the agro-industrial complex]. *Vestnik OmSAU*. 2015. No1 (17). P. 79–89.
10. Dyatlov S. A. *Osnovy teorii chelovecheskogo kapitala* [The basis of human capital theory]. – St. Petersburg: SPbUEF, 1994. 160 p
11. Efimova L. A. *Factory razvitiya chelovecheskogo kapitala* [Human capital development factors]. Moscow: RGAU-MSKHA imeni K.A. Timiryazev Publ., 2015. 175 p.
12. Zaslavskaya T. I. Chelovecheskij potencial v sovremennom transformacionnom processe [Human potential in the modern transformation process]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2005. No4. P. 13–25.
13. Il'inskij I. V. *Investicii v budushchee: obrazovanie v investicionnom vosproizvodstve* [Investing in the Future: Education in Investment Reproduction]. St. Petersburg: SPbUEF Press., 1996. 163 p.
14. Kirichenko I. S. Ekonomicheskie kategorii truda: osnovnye ponyatiya i ih razvitie [Economic categories of labor: basic concepts and their development]. *Vestnik FGOU VPO Bryanskaya GSKHA*. 2016. No2 (54). P. 68–75.
15. Martynova V. S. Kvazizaemnyj kapital: osobennosti i spravedlivaya ocenka [Quasi-borrowed capital: features and fair value]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2013. No 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8957> (accessed 11.04.2020).
16. Mozgachev M. I. Osnovnye podhody ocenki chelovecheskogo potenciala upravlenca [The main approaches to assessing the human potential of a manager]. *Politicheskoe upravlenie: nauchnyj informacionno-obrazovatel'nyj elektronnyj zhurnal*. 2014. No 01 (07). URL: <http://www.xn--80aе-jaldqtdkdn0ap.xn--p1ai/arhiv/2014/01/MozgachevMI.pdf> (accessed 15.05.2020).
17. *Opyt rossijskih modernizacij XVIII–XX veka* [Experience of Russian modernizations of the 18th – 20th centuries]. Moscow: Nauka, 2001. 246 p.
18. Poberezhnikov I. V. Frontirnaya modernizaciya kak rossijskij civilizacionnyj fenomen [Front-line modernization as a Russian civilizational phenomenon]. *Rossiya reformiruyushchayasya*. Is. 12: *ezhegodnik*. Moscow: Novyj hronograf, 2013. P. 246-274.
19. Pliskevich N.M. *Chelovecheskij kapital v transformiruyushchejsya Rossii* [Human capital in transforming Russia]. Moscow: Institut ekonomiki RAN, 2012. 231 p.
20. Sadovina T. N. Modelirovanie kak osnova prognozirovaniya IRCHP [Modeling as a basis for HDI forecasting]. *Vestnik CHGU*. 2009. No 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-kak-osnova-prognozirovaniya-irchp> (accessed 09.04.2020).
21. Smit A. *Issledovaniya o prirode i prichinah bogatstva narodov* [Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow: Socekgiz, 1962. 684 p.
22. Tojsher S. Predpisannoe rodstvo. Normy i praktiki rodstvennyh otnoshenij v Berne na rubezhe XV–XVI vv. [Prescribed relationship. The norms and practices of family relations in Bern at the turn of the XV-XVI centuries]. *Sem'ya, dom i uzy rodstva v istorii*. St. Petersburg: Aletejya, 2004. P. 200–242.
23. Becker G. *Human capital: a theoretical and empirical analysis* (3rd edition). Chicago: The University of Chicago Press, 1993. 402 p.
24. Berkman H., Bradbury M. Empirical Evidence on the Corporate Use of Derivatives. *Financial Management*. 1996. Vol. 25. No 2 (Summer, 1996). Pp. 5–13.
25. Booth A. L., Joo H. K. Birth Order Matters: the Effect of Family Size and Birth Order on Educational Attainment. *Journal of Population Economics*. 2009. Vol. 22. No 2. P. 367–397.

26. Lauer C. Family background, cohort and education: A French-German comparison based on a multivariate ordered probit model of educational attainment. *Labour Economics* 2003. Vol. 10. Pp. 231–251.

27. Schultz T. *Investment in Human Capital*. N.Y.-London: UMI, 1971. 84 p.

28. Schultz T. Fertility and Economic Values. Part I: the Value of Children. In: T.W.Schultz (ed.). *Economics of the Family*. Chicago, London: University of Chicago Press. 1974. Pp. 3–14.

Mazur Lyudmila Nikolaevna. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. E-mail: LN.Mazur@urfu.ru